

МОРОЗОВА Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 9, morozeg@rambler.ru)

ФАЛИНА Алла Семеновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 9, ppgvt212@yandex.ru)

БРЕКСИТ КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЕВРОПЫ: МНЕНИЯ И ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация. В статье поднята проблема Брексита, ранее воспринятого как внутреннее дело Британии, а сегодня — как символ потрясений для всей Европы. Анализируются позиции экспертов, одни из которых расценивают происходящее как начало демонтажа «общеевропейского дома», другие — как сигнал к быстрой и тесной интеграции в русле идей «разноскоростной» Европы. Высказано мнение, что дело не в числе скоростей, а в людях, которые плохо представляют свое будущее, не надеются на него и готовы вернуться в прошлое. Пока ЕС далек от своих граждан и даже национальные парламенты не включены в принятие решений, трудно прогнозировать улучшение политического климата в Евросоюзе.

Ключевые слова: Брексит, Евросоюз, мировой кризис, национальные интересы, суверенное государство, старый крот истории, федерализация, евробюрократия, концепция двух скоростей

Недавно пришедший из английского языка неологизм быстро вошел в российскую языковую практику. Два слова *Britain* и *exit* соединились воедино, обозначив уход Великобритании из Евросоюза. Слово стало делом 23 июня 2016 г., когда был проведен британский национальный референдум по вопросу: «уйти или остаться»? За выход из Евросоюза проголосовали 51,9% граждан, против — 48,1% при уровне явки в 72% общего числа избирателей.

Если бы Брексита не случилось, его, наверное, стоило бы придумать. Иначе Евросоюз продолжал бы свое упорное движение к давно намеченной цели — не только экономически, но и политически прочно интегрироваться, создав государство федеративного типа. Эта цель, зафиксированная в учредительных документах ЕС, предполагает переход от межгосударственной организации, которой Евросоюз является ныне, к полноценному государству, в котором будут сформированы все соответствующие этому высокому статусу институты. Это всеевропейское избрание общего президента, создание единых министерств по ключевым направлениям государственного управления, введение единой въездной визы, формирование собственных сил обороны и внутреннего порядка и др.

В последнее десятилетие, по данным различных социологических служб, число сторонников этого проекта стало уменьшаться. Все большее число европейцев стали отказывать руководству ЕС в доверии. Исследования, проводимые «Евробарометром» по заказу Европейской комиссии, тщательно отслеживают изменения уровня доверия/недоверия граждан как своим национальным правительствам, так и Союзу в целом. Так, весной 2013 г. в условиях начавшегося выхода из мирового финансово-экономического кризиса (2008–2009 гг.) уровень доверия граждан политическим институтам Евросоюза составил 31% против 41% весной 2011 г. и 47% весной 2009 г.¹

Бывший председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу объ-

---

¹ Public opinion in the European Union. First results. May 2013. — *European Commission. Standard. Eurobarometer*. No. 79. Spring 2013. P. 9. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/index.eu.htm

яснял тогда ситуацию так: «В момент, когда многие европейцы сталкиваются с безработицей, неопределенностью и усиливающимся неравенством, возникает нечто вроде “усталости от Европы”, на которую накладывается непонимание. Кто что делает, кто что решает, кто кем и чем управляет? И в каком направлении мы движемся?»¹.

При этом в целом казалось, что ситуация находится под контролем. Явных угроз (например, таких, как катастрофический наплыв мигрантов и беженцев, многократное умножение числа террористических актов, обнаружившаяся уязвимость европейских границ, усиление «чемоданных настроений» Британии) никто всерьез не ожидал и к ним не готовился. А через 3 года случился Брексит. Новая реальность, в которую самим организаторам референдума верилось с трудом, ошеломила не только половину британцев, но и соседей-европейцев, а также североамериканских партнеров и значительную часть мировой общест-венности. СМИ пугали мрачными заголовками и прогнозами: «трагедия», «землетрясение», «катаклизм», «самоубийство» и т.п. С одной стороны, это было похоже на правду, с другой – верить в это не хотелось. Ведь уходила страна, ежегодно вносящая в бюджет Союза 11,3 млрд евро.

Первой жертвой референдума уже на следующий после голосования день стал британский фунт. Он упал по отношению и к доллару, и к евро на 15%, став эквивалентом 1,27 американского доллара. Такого падения с ним не случилось с 1985 г. Второй жертвой стал лидер консерваторов и премьер-министр Соединенного Королевства Дэвид Кэмерон, перехвативший у крайне правой Партии независимости Соединенного Королевства (*United Kingdom Independence Party – UKIP*) требование выхода Британии из Евросоюза. Обещание Кэмерона провести в случае победы на парламентских выборах 2015 г. общенациональ-ный референдум стало козырной электоральной картой тори, способствующей к тому же укреплению рядов партии. Победив, премьер-министр честно выпол-нил обещание, хотя сам уходить из Европы не собирался и голосовал против Брексита. Его расчет был на то, что британцы, при всем своем фрондерстве, на такой шаг, как выход из ЕС, не решатся. А они решились. Это по правилам британского политического этикета стоило Кэмерону добровольной отставки, включающей потерю кресла премьера, поста лидера партии и перспектив про-должения политической карьеры.

Премьера-неудачника сменила Тереза Мэй, бывшая до того министром вну-тренних дел и в симпатиях к Брекситу не замеченная. Это не помешало ей с ходу присягнуть на верность выбору большинства и произнести ставшую мемом фразу: «*Brexit means Brexit*», что в вольном переводе означает: «Уходить, так уходить». Засучив рукава, Тереза Мэй активно принялась за тяжелую и грязную работу – подготовку «бракоразводного процесса» с Евросоюзом.

На 3-е место в списке пострадавших от Брексита может претендовать эконо-мика Великобритании. По сделанным незадолго до референдума расчетам быв-шего министра финансов Джорджа Осборна, «развод» с ЕС обойдется Британии примерно в 30 млрд фунтов стерлингов. Для покрытия этих расходов государство будет вынуждено повысить налоги и сократить социальные выплаты. По мне-нию Осборна, в перспективе до 2020 г. Брексит может обернуться снижением внутреннего валового продукта на 3–9,5%, дальнейшим падением курса националь-ной валюты, крахом лондонской биржи, бегством иностранных инвесторов, снижением экспорта на 10–16% и ростом числа безработных более чем на 0,5

¹ Traynor I. Crisis for Europe as trust hits record low. – *The Guardian*. 24.04.2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/apr/24/trust-eu-falls-record-low>

млн чел. Очевидно, что далеко не все мрачные предсказания сбудутся, однако к концу декабря 2016 г. фунт по отношению к доллару упал уже на 18%¹.

Кстати, ситуация в отношении процедуры Брексита долго оставалась неопределенной. Как сообщали британские СМИ, даже королева Елизавета II была длительное время в неведении относительно формата и сроков выхода страны из Союза. Из-за невнятной политики нового премьер-министра отношение европейцев к Брекситу становилось более жестким. Североирландская *Belfast Telegraph* обращала в этой связи внимание на то, что у Британии не осталось ни одного твердого союзника среди 27 стран – членов ЕС. Даже Дания, сама будучи евроскептиком, не собиралась идти на уступки Лондону в процессе «развода»².

Сегодня, по подсчетам бывшего посла Британии при ЕС сэра Айвэна Роджерса, цена ухода из Европы может подскочить до 60 млрд евро, а сам процесс способен длиться не менее 10 лет³.

История, изначально воспринятая как сугубо внутреннее дело самой Великобритании, быстро приобрела глобальный характер. Месяцы спустя она уже рассматривается как сильнейшее потрясение устоев, фундаментальных ценностей всей Европы и самой Британии. Ведь стоило только ей нажать на тормоз интеграции, как сразу изменился не только политический, но и культурный климат: по стране прокатилась волна ксенофобских актов, направленных против трудовых мигрантов, в т.ч. и граждан Евросоюза. Судя по числу и тематике посвященных этому событию публикаций, резкий поворот в судьбе одной из самых мощных стран – ядерной державы, занимающей к тому же 5-ю позицию в рейтинге мировых экономик, постоянного члена Совбеза ООН с правом вето – вызывает и интерес, и опасения по поводу возможных последствий случившегося. Что стало спусковым крючком Брексита? Чем он чреват или, наоборот, полезен для Европы?

По убеждению большинства специалистов, главным фактором происшедшего стали следовавшие друг за другом экономические катаклизмы: начавшийся в США мировой финансовый кризис (2008–2009 гг.) и долговой кризис в еврозоне (2011–2013 гг.) – самый продолжительный в ее истории. Отрицать первостепенность финансово-экономического фактора невозможно. Однако здесь есть любопытная деталь, внимание на которую обратил главный научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМО РАН, профессор НИУ–ВШЭ Е.С. Хесин. По его мнению, итог британского референдума в значительной степени был спровоцирован не самим кризисом, а быстрым выходом из него, давшим позитивные результаты. Британские темпы экономического роста превосходят общеевропейские в 2–2,5 раза, ВВП на душу населения намного превышает средний по Европе (46,6 тыс. долл.), уровень безработицы составляет 5% против почти 10% в странах еврозоны и др. «Как ни парадоксально, исход референдума отчасти стал естественной реакцией на эти обстоятельства, – считает Е.С. Хесин. – Сторонники Брексита убедили электорат в том, что если даже в составе более слабого в экономическом отношении объединения Великобритании удалось достичь столь впечатляющих результатов, то с выходом из ЕС... британская экономика обретет новый динамизм» [Хесин 2016].

Специалист по внешней политике Великобритании старший научный сотруд-

¹ Остальский А. Британия выходит из себя. – *Новое время*. № 43-44(430). 26.12.2016. Доступ: <http://newtimes.ru/stati/temyi/britaniya-vyixodit-iz-sebja.html>

² Les incertitudes du Brexit. – *Revue de presse internationale*. 23.12.2016. URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/revue-de-presse-internationale/les-incertitudes-du-brexit>

³ Посол Великобритании в ЕС досрочно подал в отставку. – *Российская газета*. 03.01.2017. Доступ: <https://rg.ru/2017/01/03/posol-velikobritanii-v-es-dosrochno-podal-v-otstavku.html>

ник ИМЭМО РАН Т. Андреева также придерживается мнения о первостепенной значимости экономического самочувствия британцев. В дополнение к сказанному выше она замечает еще один нюанс: быстрый выход Британии из сложнейшей экономической ситуации стал возможным благодаря корректным действиям коалиционного правительства Кэмерона – Клегга (2010–2015 гг.), которое, как и Банк Англии, сумело справиться с кризисом, не прибегая к помощи Брюсселя. Видя эффективность собственных политических и экономических институтов, британцы уверились в своей способности самостоятельно выходить из тяжелых экономических ситуаций, не рассчитывая на «костыли» Евросоюза. Но тогда, по здравому размышлению, нет смысла состоять в сообществе, членство в котором обходится очень дорого, а польза от которого не так уж велика¹.

Так складывалась концепция Брекзита: с практикой закачивания в бюджет ЕС больших денег, подчинения неэффективному управлению Брюсселя, вопреки собственным национальным интересам, надо покончить.

Простота и прагматика концепции не могли не привлечь симпатий тех многочисленных групп избирателей, которым выход из экономического кризиса действительно дался ценой тугого затягивания поясов. Идея жить своим умом, не плодить «дармоедов», не прогибаться под диктатом никем не выбранных и ни перед кем не отчитывающихся чиновников, быть гражданами независимой преуспевающей страны всегда привлекательна.

Концептуализация проблемы предполагает и определенное внимание к истокам происшедшего. «Старый крот истории» славно поработал, соединив начало Евросоюза и его сегодняшний день. Как известно, одним из энтузиастов европейского единства был Уинстон Черчилль, еще в 1930-х гг. предрекавший возможность создания единой Европы. По окончании Второй мировой войны он не раз выступал с развитием этой идеи. В мае 1946 г., выступая в Гааге, он высказал мысль, что демократические государства Европы обязаны не только установить отношения дружбы и сотрудничества, но и добиться еще более крепкого объединения. В наиболее развернутом виде идея европейского единства была высказана Черчиллем в его исторической речи 19 сентября 1949 г. в Цюрихском университете: «...я говорю о воссоздании европейской семьи, или хотя бы той ее части, которую мы способны возродить, и о придании ей структуры, которая бы позволила ей существовать в мире и безопасности и быть свободной. Мы должны построить своего рода Соединенные Штаты Европы...»

У нас, британцев, есть свое Содружество наций... Так отчего бы не быть и Европейскому объединению, которое могло бы подарить сильное чувство патриотизма и общей гражданской принадлежности разрозненным народам этого беспокойного и могущественного континента?» [Черчилль 2015: 9]. Первым шагом к созданию равноправного союза Черчилль считал установление партнерства между Францией и Германией, которая, будучи справедливо наказанной, не должна была быть вычеркнутой из европейской истории.

Так оно и произошло. Обе страны стали основателями и лидерами ЕС не только по соображениям экономической выгоды, но и движимые высокой гуманистической идеей превращения Европы из континента бушевавших веками войн в территорию мира и сотрудничества всех проживающих там народов. При этом малые государства приглашались наравне с большими вносить свой труд в дело строительства новой Европы. Что же касалось присоединения Великобритании к европейскому сообществу, то оно в плане умудренного политика не фигурировало: «Мы с Европой заодно, но мы не являемся ее частью [*with Europe, but not*

¹ Андреева Т. Брекзит: причины и последствия. Доступ: <http://polit.ru/article/2016/06/25/brexit2/>.
<http://polit.ru/article/2016/06/25/brexit2/>

of it]. У нас общие интересы, но мы не хотим раствориться в ней и потерять свое лицо».

Как отмечается в мемуарах Маргарет Тэтчер, Черчилль всегда воспринимал свою страну как уникальный феномен, располагающийся в центре 3 взаимопересекающихся орбит – Британского содружества наций, англо-американских отношений и Европы. Эта позиция была и остается очень выигрышной. Но для ее использования необходима свобода действий. Принесение свободы суверенного государства в жертву европейскому единству всегда было для британских правителей абсолютно неприемлемым [Тэтчер 2014: 141-142].

Совсем иным был подход Германии к созданию Союза европейских государств. «Европейское единение было – и до сих пор остается – в интересах Германии, – считает выдающийся немецкий философ и политолог Юрген Хабермас. – В течение первых послевоенных десятилетий лишь благодаря нашим осторожным действиям и желанию быть “хорошими европейцами” мы смогли постепенно восстановить полностью разрушенную национальную репутацию. В результате нам удалось заручиться поддержкой ЕС для воссоединения страны»¹. Европейское содружество формировалось, как известно, поэтапно. После того, как в 1957 г. было создано Европейское экономическое сообщество (на базе учрежденного в 1951 г. Европейского объединения угля и стали), вступление в эту организацию было признано полезным и для Великобритании. Предостережение Черчилля не остановило его преемников. После двукратного отклонения французским президентом Ш. де Голлем заявления британцев о вступлении в ЕЭС (он, как и Черчилль, считал Британию отдельным миром, трудно совпадающим с Европой) это событие свершилось в 1973 г., уже после отставки генерала.

Черчилль и де Голль оказались правы. История более чем 40-летнего пребывания Британии в составе объединенной Европы подтвердила их предвидение. Вступив в Союз преимущественно по экономическим соображениям, Британия всемерно сопротивлялась политической интеграции с Европой. Все годы ее членства в ЕС были неутомимой борьбой за самостоятельность, привилегированное положение, уступки и поблажки. Наиболее ярким примером обособления стал отказ от принятия Шенгенского соглашения и вхождения в еврозону. При этом все капризы британцев Брюсселем выполнялись. В то же время экстравагантный политический стиль Британии выделывался не столько о капризности, сколько о точности расчета британских политиков, неудовлетворенных низкой эффективностью бюджетных трат Брюсселя, непрозрачностью способов принятия решений, постепенно множась полномочиями и полной неподотчетностью многочисленной евробюрократии.

Кроме претензий сугубо материального свойства, Британия имела и другие причины быть неудовлетворенной своим пребыванием в ЕС. Ю. Хабермас объясняет это следующим образом: «У британцев совсем другая история за спиной, чем у тех, кто на континенте. Политическое сознание мировой державы, которая в XX веке дважды была победоносна, а теперь сдает свои позиции в мировой политике, с трудом примиряется с изменившимся положением. С таким национальным самосознанием Великобритания оказалась в затруднительной ситуации еще в 1973 году, когда исключительно из экономических соображений вступила в Европейский экономический союз, поскольку политические элиты при Тэтчер, Блэре и Кэмероне отнюдь не намеревались отказываться от дистанцированного взгляда на материк»².

¹ Habermas Jürgen: The players resign. Core Europe to the rescue: a conversation with Jürgen Habermas about Brexit and the EU crisis. Interview: Thomas Assheuer. – *Die Zeit*. Nr. 26/2016. 12.07.2016. URL: <http://www.zeit.de/kultur/2016-07/juergen-habermas-brexit-eu-crisis-english>

² Ibid.

Мысль об исторически сформировавшейся сложности отношений Британии и Европы, более того, о трудно преодолимых различиях между самими европейцами развивает британский писатель и дипломат сэр Родрик Брейтуэйт. По его мнению, британцы всегда поддерживали создание мирной и свободной Европы, но к идее Соединенных Штатов Европы как конечной цели евростроительства относились скептически, считая ее нереальной. Действительно, в отличие от учредивших США североамериканских поселенцев, европейцы говорят на разных языках, принадлежат к разным конфессиям, имеют разную историю, следуют различным политическим и культурным традициям. Поэтому препятствий к созданию единого государства в Европе XX–XXI веков неизмеримо больше, чем их было у американцев в XVIII в. Практически те же трудности сопровождают достижение взаимопонимания между Британией и континентальной Европой. В унисон с Хабермасом Брейтуэйт подчеркивает, что политические, правовые и религиозные традиции 6 первых членов союза серьезно отличались от британских: «Все шестеро пережили поражение или оккупацию в ходе Второй мировой войны и после этого вынуждены были перекроить свои политические системы. Англичане, не в последнюю очередь благодаря своему островному положению, войну пережили, вышли победителями, сохранили прежние институты и гордились этим»¹.

Как виделось расставание с Европой той частью британской элиты, которая либо подталкивала, либо просто не мешала развитию политических событий в направлении Брексита? Наверное, как «уход по-английски» – спокойный, вполне джентльменский. Видимо, что-то подобное виделось деятелям Уайтхолла, когда один из его министров вдруг вспомнил, что существует «глубокая и скрытая привязанность Европы к Великобритании». Министру ответил эксперт Европейского совета по международным отношениям, бывший исполнительный директор Европейского оборонного агентства Ник Уитни: «Такое чувство, возможно, существовало раньше. Сегодня от него почти ничего не осталось. Сорок лет требований привилегированного отношения привели к такому итогу. Бюджетные уступки, отказ от евро и Шенгенского соглашения, маневры в сфере сотрудничества по вопросам безопасности и сил порядка... Многие европейцы негодовали, когда Д. Кэмерон предложил референдум, который они расценили как пистолет у виска»².

Реакция большинства европейцев действительно сводилась к тому, что «уход по-английски» – поступок ненадежного партнера. В центре проводимых в стране всеобщих дискуссий, предвосхищавших голосование на референдуме, находился не судьбоносный выбор будущего для великого континента, а бытовые разборки на британской политической кухне. И это в то время, когда Европу захлестнули миллионы ставших беженцами мигрантов. От участия в их приеме Британия, конечно же, не преминула уклониться.

К концу января 2017 г. стало, наконец, известно, что Тереза Мэй предпочла «жесткий» вариант Брексита, который означал полное отделение Великобритании от Евросоюза, включающее выход из общего рынка, таможенного союза и юрисдикции Суда ЕС. Это серьезная заявка на полную независимость от Европы и, следовательно, на англосаксонское лидерство – не только экономическое, но и политическое, о чем 26 января 2017 г. было прямо заявлено при встрече Т. Мэй с американскими сенаторами и конгрессменами-республиканцами: «Я здесь, чтобы провозгласить еще раз: нам надо снова идти рука об руку, ведь мы взяли

¹ Брейтуэйт Р. Как Британия и ЕС готовятся к настоящему Brexit. – *РБК*. № 170(2426). 15.09.2016. Доступ: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/09/16/57da85909a7947a71b59e65a>

² Witney N. Le debat anglais autour du brexit continue de faire fausse route. 16 December. 2016. URL : http://www.ecfr.eu/paris/post/le_debat_anglais_autour_du_brexit_continu_de_faire_fausse_route

на себя бремя лидерства еще раз, чтобы возобновить наши особые отношения и подтвердить нашу ответственность за это лидерство в современном мире»¹.

В этой связи встает вопрос: что же есть Брексит на самом деле? В Европе он, безусловно, воспринимается как кризис. Только для одних, не ощутивших никаких благ интеграции и оказавшихся на обочине этого процесса, Брексит — это кризис единой Европы, сигнал к демонтажу недостроенного здания «общеевропейского дома». Для других, неизменно поддерживающих идею европейского единства, Брексит стал проявлением иного кризиса, порожденного не избытком интеграции, а ее недостатком. Бывший многолетний депутат и председатель Европарламента, а ныне глава Социал-демократической партии Германии и кандидат на пост канцлера ФРГ на сентябрьских выборах 2017 г. Мартин Шульц убежден, что кризис Евросоюза обусловлен именно отсутствием углубленной интеграции: «В еврозону входят сейчас 19 стран, где используется единая валюта, но везде своя экономическая политика, трудовое законодательство, налоги. Нужно навести порядок в еврозоне и углубить политическое сотрудничество, причем независимо от того, выйдет Великобритания из ЕС или нет»².

В целом руководство ЕС стойко держит полученный от Британии удар и старается не драматизировать ситуацию. Еще один крупный деятель Евросоюза бывший премьер-министр Бельгии и депутат Европарламента Ги Верхофстадт полагает, что уход Британии из Европы может сослужить последней добрую службу и сообщить импульс давно назревшим изменениям. Поскольку претензии простых европейцев к малоэффективным действиям руководства ЕС оправданны, то нынешняя ситуация дает возможность провести широкую дискуссию о тех принципах и основах, которые дали жизнь Евросоюзу, а также о необходимости его достройки до полноценного федеративного государства³.

Курс на федерализацию неизменно поддерживают и представители крупного бизнеса. Так, в течение последнего года в европейских кругах обсуждалась идея главы Банка Франции Ф. Вильруа де Гало о целесообразности учреждения поста министра финансов ЕС, который рассматривается как важнейший инструмент выхода из кризиса еврозоны и продолжения интеграционного процесса. Задачей министра станет унификация подходов к экономической политике всех входящих в еврозону государств и превращение этой зоны в «нечто большее, чем сумма ее частей»⁴.

В инициативах, подобных упомянутым выше, критики слева и справа видят, прежде всего, удовлетворение экономических интересов, укрепление могущества олигархов, политических лидеров и элит Евросоюза. Народам Европы, по их убеждению, такая политика несет только утрату демократических свобод и национальной идентичности. Нельзя, однако, рассматривать курс на дальнейшее ускорение европейской интеграции как политику, выгодную исключительно верхушке ЕС. Уже цитировавшийся М. Шульц приводит простое, но очень убедительное доказательство жизненной необходимости единого «общеевропейского дома»: «...XXI век — это век сотрудничества и соревнования, которое ведут не отдельные небольшие страны, а целые мировые регионы. Скажем, население моей страны, Германии, — 80 миллионов, а население Китая — 1 400 миллионов.

¹ Сильны вместе! Тереза Мэй заявила о приверженности особым отношениям Британии и США. — *Euronews*. 26.01.2017. Доступ: <http://ru.euronews.com/2017/01/26/opposites-attract-may-makes-a-play-to-renew-us-uk-special-relationship>

² Шульц М. Евросоюз находится в плачевном состоянии. Доступ: <http://ru.euronews.com/2016/05/12/martin-schulz-the-european-union-is-in-a-dismal-state>

³ Будущее Европы и «Брекзит» глазами Фаража и Верховстадта. — *Euronews*. 20.06.2016. Доступ: <http://ru.euronews.com/2016/06/20/brexit-to-leave-or-not-to-leave-that-is-the-question>

⁴ Франц Д. Еврозоне предлагают обзавестись министром финансов. — *Независимая газета*. 29.03.2016. Доступ: http://www.ng.ru/world/2016-03-29/7_eurozone.html

Как же Германии выжить в XXI веке в одиночку? Те, кто утверждает, что с ЕС пора покончить и все ренационализировать, играют с безопасностью и будущим целого поколения»¹.

Солидарен с Шульцем и Верховстадт: «С кем нам приходится конкурировать? С Китаем. Китай — это не нация. Китай — это цивилизация, цивилизация, как и мы — европейская цивилизация... Индия — это не нация. Индия представляет из себя две тысячи этносов. Это двадцать языков и четыре крупные религии... Завтрашний день принадлежит империям, а не малым народам»².

Наличие двух противоположных подходов к проблеме Брексита и будущего Евросоюза не исчерпывает многообразия мнений и позиций. Разногласия дают о себе знать даже внутри такого единого организма, как правительство Германии, которая всегда безотказно спонсировала проект единой Европы. Сразу после британского референдума социал-демократ Франк-Вальтер Штайнмайер, бывший тогда министром иностранных дел, а ныне — президент ФРГ организовал встречу министров иностранных дел 6 стран — основателей ЕС, твердых сторонников все более интегрированного союза. В ответ на инициативу своего министра канцлер Ангела Меркель также собрала совещание, но гораздо более многослюдное, на котором присутствовали руководители всех 27 государств — членов Союза. Учитывая изоляционистские и националистические настроения некоторых из них, можно было предположить, что вопрос о продолжении интеграции на этой встрече не стоял.

И это — далеко не единственный случай, свидетельствующий о существовании позиционного вакуума относительно перспектив Европейского союза, застывшего в выжидании и балансировании между двумя крайностями. Такая политика энтузиазма не вызывает. Рыцари быстрой федерализации массовой поддержкой, как уже отмечалось, не пользуются. Не случайно Верховстадта, опубликовавшего несколько лет назад пламенный манифест «Соединенные штаты Европы», прозвали «последним из могикан интеграции».

О когда-то популярном варианте выхода из кризиса идей и стратегий по поводу ЕС напомнил уже неоднократно цитировавшийся Ю. Хабермас. Речь идет об известной, но затем отброшенной концепции двух скоростей и «реконструирования Европы из ее ядра», разработанной еще в 1990-х гг. немецкими политиками Вольфгангом Шойбле и Карлом Ламерсом. В этой концепции проводилась мысль, что в силу значительного стартового различия уровней экономического, политического и культурного развития стран Европы интеграция вначале может быть только «двухскоростной». Это значит, что наиболее развитые и идеологизированные страны — основатели ЕС представляют собой «ядро Европы» и с высокой скоростью интегрируются. Менее развитые и идейно не мотивированные члены Союза составляют его «периферию» и присоединяются к «ядру» на гораздо меньшей скорости. В свое время этот проект поддержки не получил. Его сочли неуместным в ситуации победного на тот момент шествия европейской интеграции. Да и сами авторы отказались от его дальнейшей разработки, занявшись наладкой механизма межправительственного взаимодействия стран — членов ЕС.

Однако сегодня идея «разноскоростной Европы» становится востребованной. Серьезную работу по осмыслению и развитию этой концепции провел ведущий сотрудник кафедры интеграционных процессов МГИМО(У), ведущий научный сотрудник Института Европы РАН Н.Ю. Кавешников. При этом автор поддерживает парадоксальную мысль: Брексит не вредит, а служит Евросоюзу, существенно упрощая формирование его сплоченного ядра — ведь из состава ЕС ухо-

¹ Шульц М. Евросоюз находится...

² Будущее Европы и «Брекзит»...

дит не инициатор и не энтузиаст великой европейской идеи, а страна, чинившая препятствия интеграционному процессу и подрывавшая самим фактом пребывания в ЕС (да еще и особыми отношениями с США) германское лидерство. После ухода Британии еврозона получит прекрасную возможность сформировать то ядро, которое определит стратегию развития всего Евросоюза. «Вероятнее всего, – прогнозирует исследователь, – из череды современных кризисов Евросоюз будет выходить на основе стратегии гибкой интеграции, что в среднесрочной перспективе приведет к трансформации ЕС в систему “ядра и периферии”» [Кавешников 2016: 15].

Проблема Европы «после Брексита» стала предметом обстоятельного анализа, проведенного генеральным директором юридической службы Совета Евросоюза Ж.-К. Пирисом. По мнению эксперта, курс на построение единого европейского государства, зафиксированный в учредительных договорах ЕС, сегодня, конечно, не реален. С другой стороны, выход из кризиса невозможен без более эффективной интеграции. Как совместить одно с другим? Во-первых, европейцам стоит чаще вспоминать, что на протяжении последних 7 десятилетий Европа живет мирной жизнью благодаря своему единству. Во-вторых, именно это единство создало первый в истории экономики общий рынок, благодаря которому Европа является первым экспортером и импортером мира. В-третьих, в условиях глобального вызова ни одно государство не способно выжить в одиночку.

Интеграция принесла европейцам не только длительное благополучие, но и трудности. Взяв на себя серьезные обязательства, Евросоюз справляется с ними плохо: кризис евро, безработица, иммиграционные лавины, супербюрократическое правление Брюсселя, угроза дальнейшего роста националистических и популистских настроений. Где выход? Пирис рассматривает 4 возможных стратегических опции: 1) внести в действующее законодательство поправки, расширяющие полномочия ЕС и способствующие его большей эффективности; 2) создать «твердое ядро» Союза из 19 участников еврозоны со значительным усилением его институциональных основ и центров принятия решений; 3) вернуться на 70 лет назад и на базе 6 стран-основателей сделать серьезный шаг к федерализму, уповая на то, что остальные члены ЕС последуют за ними; 4) реализовать инициативу сближения с Германией и Францией как двумя лидерами ЕС остальных стран-членов, но не по всем, а только по наиболее важным для них направлениям политики – фискальной, социальной, военной и т.п.¹

По признанию самого эксперта, перспективы реализации всех 4 опций теоретически возможны, но вряд ли практически реализуемы. В каждой из них скрывается серьезный изъян. Похоже, дело не в числе скоростей, на которых Европа планирует въехать в будущее. Дело в людях, которые это будущее плохо представляют, не надеются на него и, опасаясь потерять то, что имеют, готовы вернуться в прошлое.

Наиболее продуманными и аргументированными в ситуации столь высокого уровня риска являются предложения, сформулированные еще до казуса Брексита крупнейшим британским социологом и политологом, бывшим директором Лондонской школы экономики Энтони Гидденсом. Сегодня его идеи разделяют значительное число специалистов из разных стран. Признавая наличие у Евросоюза финансово-экономических проблем, настолько опасных, что это грозит самыми катастрофическими для него последствиями, Гидденс, прежде всего, делает акцент на необходимости радикального поворота во взаимоотношениях между ЕС и его гражданами. Продолжающееся с начала кризисного 2008 г.

¹ Piris J.-Cl. Comment rendre l'Europe à nouveau populaire. – *Question d'Europe*. № 401. 05.09.2016. URL : <http://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0401-comment-rendre-l-europe-a-nouveau-populaire>

года падение уровня доверия населения к ЕС, укрепление позиций популистско-националистических партий практически во всех европейских странах, шок от Брексита, у которого, вполне возможно, будут последователи, полностью подтверждают мысль исследователя о необходимости начать диалог официального Евросоюза с европейцами [Гидденс 2015: 41-42].

Снимая шляпу перед предвозвестником и апологетом единой Европы, отцы-основатели ЕС, как и их продолжатели, не услышали один из самых важных посылов У. Черчилля, касавшийся «чувства патриотизма и общей гражданской принадлежности». Отношение союзного руководства к своему детищу как «функционалистскому предприятию, нацеленному на результат», исключение человеческого фактора из списка важнейших управленческих задач привело к тяжелому результату – делегитимации всего проекта. Легитимность любой власти, как известно, проистекает из ощущения единства жизни и судеб тех, кто управляет, и тех, кем управляют. При отсутствии такого ощущения рано или поздно наступает коллапс – процесс разрушения системы, отказ в поддержке власти. Пока Евросоюз далек от своего населения, пока процедуры и результаты его работы остаются закрытыми и даже национальные парламенты, не говоря уже о гражданах, не включены в принятие решений, а равно и в контроль за их исполнением, трудно прогнозировать улучшение политического климата в ЕС. Что же касается будущего Великобритании, то, по мнению Гидденса, ссылаться на Черчилля уже несвоевременно. Времена сильно изменились, и империей Великобритания более не является. Учитывая сложно прогнозируемые сегодня отношения США и Евросоюза, она в результате Брексита «вполне может остаться совершенно одна в современном огромном и мятущемся мире» [Гидденс 2015: 26].

Список литературы

Гидденс Э. 2015. *Неспокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем?* (пер. с англ.). М.: ИД «Дело». 240 с.

Кавешников Н. Превратится ли «ось» в «треугольник». – *Независимая газета. НГ-сценарии*. 23.11.2016. С. 5.

Тэтчер М. 2014. *Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира* (пер. с англ.). М.: Альпина Паблишер. 503 с.

Хесин Е. 2016. Экономические последствия выхода Великобритании из ЕС. – *Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия*. Доклады Института Европы РАН. № 330. Ч. 1 (под ред. Е.В. Ананьевой, отв.ред. А.В. Бударгина). М.: Институт Европы РАН. С. 13-14.

Черчилль У. 2015. Речь в Цюрихском университете. – Гидденс Э. *Неспокойный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем?* (пер. с англ.). М.: ИД «Дело».

MOROZOVA Elena Georgievna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Chair of Political Science and Political Management, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 9, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; morozeg@rambler.ru)

FALINA Alla Semenovna, Cand.Sci.(Econ.), Associate Professor of the Chair of Political Science and Political Management, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 9, 84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; ppgvt212@yandex.ru)

BREXIT AS A NEW REALITY OF EUROPE: EXPERT OPINIONS AND EVALUATIONS

Abstract. The article deals with the problem of Brexit that was previously perceived as Britain domestic affair. Now Brexit has become a symbol of the deep shock for all Europe. Some observers regard it as the dismantling of common European home; others consider it as a signal to rapid and close integration in line with the idea of variable-speed Europe. It seems that the most important issue is not the number of «speeds», but the general mood of the people, who cannot see their future. They do not believe in it and are ready to return to the past. As long as EU is not in touch with the citizens, the rules, and the results of Brussels working remain closed, national parliaments are not included in the decision-making, it is very difficult to anticipate the improvement of the political climate in European Union.

Keywords: Brexit, European Union, global crisis, national interests, sovereign state, Old Mole of history, federalization, eurobureaucracy, two speeds concept

---

КОБЕЛЬКОВ Артем Николаевич — аспирант сектора теории политики Института мировой экономики и международных отношений РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; temakob@yandex.ru)

ТУРЕЦКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В ПРОГРАММАХ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ФРГ

Аннотация. В начале XXI в. Германия играет ключевую роль в процессах европейской интеграции и во внешних связях ЕС, следовательно, европейские перспективы Турции в значительной степени зависят от позиции Берлина. Так как ФРГ является парламентской республикой, то внешнеполитический курс государства вырабатывается ведущими парламентскими партиями. Исследовательская проблема данной статьи — комплексный анализ партийных позиций касательно политики в отношении Турецкого государства, которое к настоящему времени стало не только кандидатом в члены ЕС, но и важной региональной державой.

Ключевые слова: Германия, Турция, внешняя политика, европейская интеграция, политические партии

Внешнеполитические установки партий, имеющих в бундестаге свои фракции, содержатся в базовых программных документах, предвыборных материалах и официальных тематических заявлениях, а намеченный к практической реализации федеральным правительством в ближайшие годы курс отражен в подпписанных после общенациональных выборов коалиционных договорах. С целью выявления подходов к политике на турецком направлении был проанализирован корпус документов в период между 2005 и 2014 гг.

Раскрытие заявленной исследовательской проблемы требует решения следующих задач: